

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

О столкновении обязанностей

Опубликовано:

Христианское чтение. 1897. № 2. С. 317-336.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О СТОЛКНОВЕНІИ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

ВЪ ЖИЗНИ каждого человѣка бываютъ минуты, когда предъ нимъ стоитъ нѣсколько обязанностей, требующихъ отъ него ихъ удовлетворенія. Человѣкъ сознаетъ, что въ данный моментъ всѣ эти обязанности одинаково важны, что права ихъ одинаково сильны. Но онъ не менѣе ясно сознаетъ также и то, что не въ силахъ одновременно осуществлять болѣе какой-либо одной изъ нихъ. Положеніе его въ данномъ случаѣ—весьма затруднительно. Потребна большая тщательность и осторожность въ рѣшеніи вопроса: исполненіе какой изъ предлагающихъ обязанностей должно быть предпочтено осуществленію другой или другихъ? При недостаточно осмотрительномъ освѣщеніи дѣла человѣкъ поступитъ нравственно-дурно... Да и вообще каждый долженъ выяснитъ себѣ вопросы: что надлежитъ ему предпринимать для того, чтобъ по возможности избѣгать подобныхъ столкновеній различныхъ обязанностей на будущее время? Съ какихъ точекъ зрѣнія и какими данными руководствуясь, онъ вообще можетъ правильнѣе и надежнѣе разрѣшать такіа столкновенія, поскольку они, при наличныхъ условіяхъ его бытія, неотвратимы и неизбежны, и проч.?

Постараемся разъяснить дѣло по возможности опредѣленно и устойчиво, не сходя, однако, съ общедоступной точки зрѣнія.

I. Въ исторіи развитія нравственныхъ воззрѣній на языческой почвѣ не найдемъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ.

Сначала обратимся къ нѣкоторымъ греческимъ трагикамъ,

предлагающимъ тѣ или иныя попытки къ выясненію дѣла. Наиболѣе интересны для насъ въ настоящемъ случаѣ: „Орестейя“—Эсхилова трилогія и въ особенности Софоклова трагедія—„Антигона“.

Предводитель греческаго войска во время троянской войны Агамемнонь, — читаемъ въ первой части данной Эсхиловой трилогіи, т. е., въ трагедіи „Агамемнонь“, — со славой возвратился на свою родину, но здѣсь былъ убитъ его женой Клитемнестрой, имѣвшей любовника Эгисеа. Возвратившійся въ свой родной городъ сынъ Агамемнона Орестъ, — какъ видимъ во второй части трилогіи — въ трагедіи „Хоэфоры“, — знавшій объ обстоятельствахъ смерти своего отца, естественно долженъ былъ разрѣшить слѣдующую коллизію обязанностей: съ одной стороны, онъ *обязанъ былъ* отомстить убійцамъ его отца, потому что такова была воля боговъ, возвѣщенная ему устами оракула; съ другой стороны, въ силу божественнаго закона, онъ опять таки *обязанъ былъ* проявлять къ своей матери только чувство сыновней любви. Коллизія явилась безотносительно къ такому или иному нравственному поступанію самого Ореста. Не въ его силахъ было предотвратить ее. Но она стояла передъ нимъ неотступно. И вотъ Орестъ убиваетъ свою мать (и ея любовника). Но что же послѣдовало затѣмъ? Достигъ ли Орестъ своего нравственного спокойствія? Ни-мало. Напротивъ, онъ сошелъ съ ума. Сами судьи, — читаемъ уже въ третьей части трилогіи — въ „Эменидахъ“, — призванные, по желанію Аеины, рассмотреть и оцѣнить поступокъ Ореста, очевидно, находятся въ недоумѣніи: одна половина ихъ высказывается въ пользу Ореста, а другая въ пользу притязаній мстительныхъ Эриній и т. д. Совсѣмъ невыясненнымъ осталось у Эсхила слѣдующее обстоятельство. Воля боговъ, возвѣщавшаяся устами оракула, это — естественный, присущій каждому человѣку, нравственный законъ. Но что это за законъ, какое, въ частности, его содержаніе и проч., все это и слѣдовало бы разъяснить, чего, однако, древній трагикъ не дѣлаетъ. Отсюда и самая сущность дѣла остается недостаточно выясненною. Получается впечатлѣніе, что Орестъ не столько разрѣшаетъ сколько, такъ сказать, „разрубаетъ“ коллизію и т. д.

Въ Софокловой трагедіи—„Антигона“ выводятся на сцену, между прочимъ, два брата: Этеокль и Полиникъ (дѣти Эдипа). Первый — сторонникъ города Фивъ, второй — противникъ

ихъ. Между братьями происходитъ борьба, оканчивающаяся смертью обоихъ. Царемъ Оивъ былъ Креонъ. Онъ воспрещаетъ кому-бы то ни было даже и думать о возданіи умершему Полинику погребальнаго долга. Героиня въ трагедіи—Антигона, сестра этихъ двухъ, трагически умершихъ, братьевъ, естественно стоитъ предъ великой коллизіей: съ одной стороны, *долгъ*, лежащій на всякомъ, а тѣмъ болѣе на ней—сестрѣ лишеннаго погребальныхъ почестей героя, *повелѣваетъ* ей предать тѣло Полиника погребенію; но, съ другой стороны, она *обязана* повиноваться и изданному царемъ закону, при томъ, угрожавшему его нарушителямъ смертною казнью. Коллизія разрѣшается въ томъ смыслѣ, что Антигона погребаетъ своего несчастнаго брата. Основаніемъ, на которое опиралось такое Антигоново рѣшеніе, служило слѣдующее: по представленію древнихъ грековъ, „отказъ“ кому-либо „въ погребеніи,“ былъ „поступкомъ безбожнымъ и варварскимъ, одинаково ненавистнымъ и людямъ, и богамъ. Воля человѣка“, въ данномъ случаѣ—Креона, „не можетъ быть“,—завлечаетъ предъ царемъ Антигона,—„выше воли безсмертныхъ, выше законовъ неписанныхъ, но неизгладимыхъ, существовавшихъ всегда“... („Всеобщ. истор. литерат.“ подъ редакц. Корша; т. I, ч. II, Спб. 1881 г.; стр. 1011. 1012). Очевидно, и здѣсь, какъ и въ Орестейѣ, мы видимъ ссылку на естественный, прирожденный всякому, нравственный („неписанный“, „неизгладимый“ и вѣчный) законъ, слѣдованіе предписаніямъ котораго всегда поможетъ человѣку разобраться въ коллизіяхъ; но, какъ тамъ, и здѣсь, къ сожалѣнію, не находимъ сколько-нибудь поясняющей дѣло характеристики „неписаннаго“ закона, его содержанія и пр., вслѣдствіе чего у читателя трагедіи остаются нѣкоторые недоумѣнія. „Твердаго опредѣленія того, что есть неписанный Божій законъ, Софокль не умѣетъ дать“ (Kübel: „Christliche Ethik“; II Th.; 1896; Münch.; S. 119). Впрочемъ, разъясненіе дѣла удалось Софоклу сравнительно, по крайней мѣрѣ, лучше, чѣмъ Эсхилу, по прочтеніи трилогіи котораго читатель оставался съ еще большими недоумѣніями.

Другихъ древне-классическихъ трагедій касаться не будемъ, такъ какъ въ нихъ не найдемъ ничего новаго по разсматриваемому нами вопросу.

Какъ рѣшался послѣдній на почвѣ древне-языческой философской мысли? За отвѣтомъ на вопросъ обратимся къ

стойкамъ, предлагавшимъ. такія или иныя попытки къ его рѣшенію.

Стойками различались: „благо“ въ полномъ смыслѣ слова и „благо-достойное желаніе“, только относительное. Соответственно этому различались у стоиковъ также двухъ родовъ и „обязанности“: одні — „совершенныя или безусловныя (κατ'αρχατά)“ и другія — „среднія или условныя (κατ'ἔκστα)“. При такой точкѣ зрѣнія естественно былъ подвергаемъ обсужденію и рѣшенію и вопросъ о столкновеніи обязанностей между собою. Разсматривавшіяся стойками коллизіи были двухъ родовъ: одні — только „кажушіяся“ и другія — „дѣйствительныя“. Коллизіи перваго рода можетъ пояснить слѣдующій примѣръ. Потерпѣвъ кораблекрушеніе, два человека ухватились за доску, которая можетъ поддержать, не погружаясь въ воду сама, только одного изъ нихъ. Если же не перестанутъ держаться за нее обое, то она неминуемо погрузится въ воду, и изъ тѣхъ не спасется ни одинъ. Очевидно, — разсуждали древніе философы, — кто-нибудь изъ двухъ *долженъ* пожертвовать собою въ пользу другого. Но кто именно? И почему онъ, а не другой? И вотъ языческіе мыслители (какъ стоики, такъ и другіе, настроенные однородно съ ними) приговариваютъ къ смерти того изъ этихъ людей, кто или менѣе мудръ, или менѣе полезенъ для другихъ и проч. Здѣсь собственно нѣтъ столкновенія обязанностей; здѣсь на лицо только столкновеніе „пользы“... и „обязанностей“. Не говоримъ уже о томъ, что утопающіе, до тѣхъ поръ, быть можетъ, даже и незнакомые другъ съ другомъ и лишь случайно оказавшіеся на одномъ кораблѣ, не всегда и могли бы рѣшить: кто изъ нихъ — полезнѣе, мудрѣе другого и проч.? Да и до рѣшенія ли имъ такихъ вопросовъ?! Что касается не „кажущихся“ только, а „дѣйствительныхъ“ коллизій обязанностей, то здѣсь разумѣлись обязанности, съ одной стороны, къ „семьѣ“, а съ другой, къ „отечеству“. Однако, достаточно удовлетворительнаго рѣшенія такихъ коллизій стоики не даютъ. Болѣе или менѣе основательнаго рѣшенія можно было бы ожидать скорѣе всего отъ Цицерона, сочиненіе котораго, между прочимъ, ревностно пытающееся уяснить и данный вопросъ, „носитъ стоическій характеръ“. Но и у этого мыслителя желательнаго рѣшенія не находимъ. Всѣ его разсужденія сосредоточиваются обыкновенно на отнѣшеніи „контраста“ между „честнымъ“ и „полезнымъ“, — на

оттѣненіи положенія, что „отечество и благосостояніе отечества“ — въ данномъ случаѣ моменты наиболѣе всего съ рѣшающимъ значеніемъ, что разсматриваніе дѣла въ виду ихъ именно и есть разсматриваніе съ „наивысшей точки зрѣнія“ и проч. (Kübel; S. 119. Luthardt: „Die antike Ethik“. Leipz., 1887; S. 113. 137).

II. Посмотримъ теперь, какъ освѣщается разъясняемый нами вопросъ въ *ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ*?

Въ *ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ* рассказывается о различныхъ коллизіяхъ обязанностей, при чемъ всѣ эти коллизіи рѣшаются обыкновенно просто. — Такъ, Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву единственного сына послѣдняго — Исаака. Здѣсь вошли въ столкновеніе между собою: обязанность отца къ дѣтямъ и обязанность человѣка по отношенію къ Богу. Первая требовала отъ Авраама обнаруженія только отческой любви къ Исааку; а послѣдняя требовала, чтобъ онъ безъ разсужденій повиновался Богу. Коллизія разрѣшена была въ пользу обязанности послѣдняго рода (Быт. XXII). Въ историческихъ книгахъ рассказывается не разъ, что по вопросу „о сомнительныхъ предпріятіяхъ должны были имѣть рѣшающее значеніе уримъ и тумимъ“ (Kübel; S. 122): чит., напр., повѣствованіе о Давидѣ, недоумѣвавшемъ: идти ли ему противъ Филистимлянъ... (1 Цар. XXIII, 2...), — не знавшемъ: предадутъ ли его въ руки Саула жители Кеиля (ibid. 9...), — преслѣдовать ли ему (сжегшихъ Секелагъ и плѣнившихъ его жителей) Амаликитянъ (ibid. XXX, 7...) и т. д? Исцѣленный пророкомъ Елисеемъ Нееманъ, военачальникъ сирійскаго царя, считалъ себя обязаннымъ не приносить впредь всесожженій и жертвъ другимъ богамъ, кромѣ Господа (4 Цар. V, 14. 15. 17). Но, съ другой стороны, какъ слуга сирійскаго царя, онъ былъ обязанъ сопровождать своего господина въ *домъ Риммона*, обязанъ былъ, поддерживая опиравагося на него царя, вмѣстѣ съ нимъ поклоняться въ домѣ Риммона. Нееманъ чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи и, конечно, естественно. Пренебречь обязанностью къ своему господину онъ не рѣшался: но не желалъ пренебречь и обязанностью къ исцѣлившему его отъ проказы Господу. Коллизія рѣшена была просто: попросивъ Елисея, чтобъ Господь простилъ его — Неемана — въ томъ случаѣ, когда онъ пойдетъ въ домъ Риммона, онъ получилъ въ отвѣтъ

успокоительныя слова: *иди съ миромъ* (ibid. 18. 19 ¹), тѣмъ коллизія и разрѣшалась въ желательномъ для просителя смыслѣ... Словомъ, «хотя вся ветхозавѣтная ступень,—потому что тамъ имѣетъ мѣсто только положительный законъ,—сама по себѣ есть ступень коллизіи, но» въ тоже время «она есть также и ступень объективнаго рѣшенія той» (Kübel; S. 122)

Новозавѣтныя библейскія книги во многихъ мѣстахъ касаются разсматриваемаго нами вопроса.

Мы знаемъ, что съ грѣхопаденіемъ прародительскимъ природа человѣческая извратилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ ненадлежащею дорогою пошло и нравственное поступаніе человѣка. При такихъ обстоятельствахъ нормальное взаимоотношеніе между нравственной свободой человѣка и предписаніями нравственнаго закона было немислимо. Человѣческія дѣйствія сплошь и рядомъ стали представлять собою безпорядочную путаницу. Здѣсь уже непременно должны были получиться столкновенія обязанностей, такъ какъ по-истинѣ было бы чудо, еслибъ при безпорядочной человѣческой жизнедѣятельности одна обязанность не вторгалась въ область другой. Вся исторія язычества, гдѣ жизнь человѣка текла въ только что указанномъ смыслѣ, достаточно опредѣленно подтверждаетъ собою высказанныя нами положенія. Мы выше привели два характерныхъ примѣра, отмѣчаемые древнеклассическою трагедіею. Въ обоихъ случаяхъ, т. е., въ исторіи Ореста и Антигоны, столкновенія обязанностей, такъ трагически разрѣшившіяся для этихъ лицъ, всецѣло объясняются тѣмъ, что жизнь народа, въ средѣ котораго могли происходить подобныя явленія, текла неправильно. Если бы въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто нормальный порядокъ жизни, согласный съ тѣмъ нравственнымъ закономъ, какой былъ вложенъ въ человѣка при его сотвореніи и какой во всей своей чистотѣ дѣйствовалъ до грѣхопаденія прародителей, то Клитемнестра никогда не завела бы себѣ любовника, такъ какъ разрѣшенія на это не могъ дать ей чистый нравственный законъ. А если бѣ она осталась вѣрною своему мужу, то не произошло бы и дальнѣйшаго, и предъ Орестомъ не выступила бы коллизія обязанностей, благополучное разрѣшеніе которой, съ его точки зрѣнія, оказалось немислимымъ. Далѣе, при нормальномъ теченіи человѣческой жизни, и самая

¹) И рече Елисей къ Нееману: *иди съ миромъ...*

война, о которой идетъ рѣчь въ „Антигонѣ“, и тѣмъ болѣе преступнѣйшее смертное единоборство двухъ братьевъ, а равно и изданіе Креономъ дикаго, съ чистой нравственной точки зрѣнія, закона—были бы немислимы. Отсюда не было бы мѣста и роковой для Антигоны коллизіи обязанностей...

Господь нашъ Иисусъ Христосъ искупилъ человѣка отъ грѣха и его слѣдствій: проклятій и смерти, далъ христіанамъ спасительную благодать, помогающую имъ устроить свою жизнь не беспорядочно, какъ текла она въ языческомъ мірѣ, а нормально. Чѣмъ больше проникають христіанскія начала въ сознаніе человѣчества, чѣмъ больше и глубже они проводятся въ самую жизнь послѣдняго, тѣмъ нормальнѣе и нормальнѣе эта жизнь течетъ и развивается, тѣмъ меньше и меньше могутъ происходить и какія бы то ни было неразрѣшимыя столкновенія обязанностей. Идеаломъ нравственно-нормальной жизни, къ какому мы призваны стремиться, для насъ служить жизнь Богочеловѣка, Спасителя міра. Слѣдя за Его земною жизнію, какъ она излагается въ святыхъ Евангеліяхъ четырехъ Евангелистовъ, мы не находимъ ни одного случая, когда бы Онъ былъ поставленъ предъ неразрѣшимую коллизію. Завистники и недоброжелатели Господа — фарисеи и книжники много разъ пытались создать для Него такого рода коллизію, но безъ всякаго успѣха: то, что съ ихъ мертвой—буквалистической точки зрѣнія было неразрѣшимую коллизію, съ ясной и божественной точки зрѣнія Спасителя, не связавшаго Себя даже и однимъ грѣховнымъ дѣйствіемъ или и одною грѣховною мыслию, признававшего требованія нравственнаго закона во всей ихъ чистотѣ и цѣльности..., являлось разрѣшимымъ и уяснимымъ безъ всякаго затрудненія... (чит., напр., Мат. XXII, 15—22; Мрк. XII, 13—17. Мѣ. XII, 1—8; Лук. VI, 1—5. Мѣ. XII, 10—13; Мрк. III, 1—5; Лук. VI, 6—11. Лук. XIV, 1—6. Иоан. V, 1—13; VIII, 2—11 и т. под.). Отсюда, съ чисто христіанской, разсматриваемой въ идеальномъ смѣслѣ, точки зрѣнія, немислима и самая рѣчь о коллизіяхъ.

Къ сожалѣнію, и по вступленіи въ Христову Церковь люди въ большинствѣ случаевъ (особенно въ послѣднее время) мало заботятся о проведеніи высокихъ христіанскихъ принциповъ въ свою жизнь, объ устройствѣ послѣдней въ согласіи и гармоніи съ ними. Отсюда ихъ жизнедѣятельность по-прежнему или почти по-прежнему (т. е., какъ въ язы-

чествъ) течеть ненормальнымъ путемъ. Прямое слѣдствіе такого положенія дѣлъ — то, что различныя коллизіи обязанностей продолжаютъ посѣщать ихъ, какъ и язычниковъ или почти какъ язычниковъ. И это продолжится до того, конечно, времени, пока христіанскія жизненныя начала не войдутъ, такъ сказать, въ плоть и кровь людей, пока не будетъ имѣть мѣста желательное взаимоотношеніе между человѣческою свободою и нравственнымъ закономъ, пока нравственная свобода не будетъ надлежащимъ образомъ отзываться на каждый призывъ со стороны нравственнаго закона. Наступитъ ли все это и, если наступитъ, то когда, неизвѣстно. А пока и среди христіанъ, какъ и сказано, сплошь и рядомъ слышатся жалобы на различныя коллизіи обязанностей, на то, что они — христіане — являются ихъ жертвами.

Какія же въ частности — причины этого, — по крайней мѣрѣ, какія существенныя изъ нихъ?

Урегулированіе отношеній между нравственной свободой и нравственнымъ закономъ, о которомъ, т. е. урегулированіи, какъ необходимомъ, мы уже замѣтили выше, должно состоять въ томъ, чтобъ нравственно-свободный человѣкъ не злоупотреблялъ своей свободой. Иначе сказать: онъ долженъ заботиться о томъ, чтобъ находящееся въ его распоряженіи время жизни было употребляемо имъ, по выраженію моралистовъ, *нравственно*, точнѣе скажемъ: нравственно — хорошо. Это значить, что человѣкъ не долженъ жить, какъ говорится, „очертя голову“. Человѣкъ сознаетъ, что ему дана извѣстная задача, которую онъ и долженъ рѣшить своимъ нравственнымъ поступаніемъ. Для болѣе успѣшнаго рѣшенія ея онъ долженъ заранѣе намѣтить не только тотъ путь, по какому вообще онъ намѣренъ вести свою жизнь, но даже и тотъ, по какому онъ думаетъ провести сегодняшній, завтрашній и т. д. дни. Здѣсь разумѣется, конечно, не столько и не только одна внѣшняя сторона дѣла, сколько также и внутренняя, хотя и первой нельзя отказать въ великомъ значеніи. Нерѣдко можно слышать, что будто бы извѣстному человѣку „нечего дѣлать“, что будто бы нечѣмъ ему наполнить пустоту времени и проч. Чтобы мнѣ дѣлать, спрашиваетъ высказывающій подобныя сѣтованія человѣкъ? И вотъ одинъ отправляется въ безцѣльное и бессмысленное путешествіе, куда глядятъ глаза, другой отыскиваетъ лицъ, съ которыми можно было бы поиграть въ пресловутый „винтъ“, не къ похвалѣ, конечно, человѣ-

чества, распространяющійся все сильнѣе и сильнѣе, и т. д. Время, словомъ, употребляется крайне не нравственно. Разсужденія, какія въ данномъ случаѣ приходится слышать: напр., объ отдыхѣ „за картами“ отъ трудовъ и пр., обыкновенно признаются нелѣпыми внутреннимъ сознаніемъ и самихъ разсуждающихъ и ведутся ими большею частію лишь, какъ говорится, „для очищенія совѣсти“. Итакъ, время потеряно. Между тѣмъ лежащія на человѣкѣ въ данный моментъ тѣ или инныя обязанности, идущія отъ лица нравственнаго закона, имъ не замѣчаются или считаются маловажными, чтобъ стоило ими интересоваться. Съ теченіемъ времени, однако, эти, неисполненныя человѣкомъ въ надлежащій моментъ, обязанности заявляютъ о себѣ сильнѣе и сильнѣе, такъ что игнорировать ихъ человѣкъ уже не можетъ. Но въ то же время всплываютъ на поверхность и другія — новыя — обязанности, выдвигаемыя данною минутою, и также требуютъ неперемѣннаго ихъ удовлетворенія. Происходитъ столкновение. Человѣкъ вопіетъ: нѣтъ у меня потребнаго количества досуга для одновременнаго исполненія двухъ или большаго числа обязанностей, такъ что, молъ, не моя уже вина, если одну обязанность исполню, а другія оставлю безъ вниманія и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что его — вина. Онъ забываетъ, что ему въ данномъ случаѣ приходится считаться съ прежними своими грѣхами и недочетами, — забываетъ, что если бы въ свое время исполнилъ ту или иную обязанность, то въ настоящую минуту ему не пришлось бы испытывать такого непріятнаго положенія и строить изъ себя ~~какого-то~~ мученика, жертву обстоятельствъ... Словомъ, нравственная свобода человѣка должна быть направлена въ тому, чтобы каждый часъ его жизни такъ или иначе, не непременно служилъ общей цѣли его бытія. Если человѣкъ будетъ въ этомъ именно смыслѣ устривать и направлять свою жизнь, тогда въ его распоряженіи окажется вполне достаточно времени для исполненія лежащихъ на немъ разнородныхъ обязанностей.

Помимо ненормальнаго пользованія временемъ, въ настоящемъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе также и другое обстоятельство: недостатокъ въ человѣкѣ осмотрительности, осторожности и разсудительности, христіанской мудрости. Въодѣдствие недостатка осмотрительности и осторожности происходятъ, напр., такого рода случаи. Допустимъ, напр., что

въ минуту увлеченія человѣкъ даетъ кому-либо извѣстное обѣщаніе нисколько не думая о томъ, сможетъ ли онъ исполнить его. Наступаетъ время исполнить эту нравственную обязанность, возложенную самимъ же человѣкомъ на себя. Но этому мѣшаютъ различныя препятствія, которыхъ человѣкъ, давая обѣщаніе, не предусмотрѣлъ и потому именно, что не хотѣлъ предусмотрѣть, а не потому, что не могъ. Человѣкъ стоитъ предъ коллизіей: съ одной стороны, онъ обязанъ исполнить обѣщаніе, а съ другой, не предусмотрѣнныя имъ обстоятельства въ то же самое время налагаютъ на него другія обязанности, несовмѣстимыя съ первою, и т. д. Кромѣ того, и предусмотрительному, осторожному человѣку необходимо, не ограничиваясь этими своими качествами, постоянно заботиться о приобрѣтеніи христіанской разсудительности, христіанской мудрости, чтобъ съ помощью этого средства внести большій порядокъ въ свою нравственную жизнь. *Не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ*, говоритъ св. Ап. Павелъ, *но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная* (Римл. XII, 2) ¹⁾. *Молюсь, чтобы любовь ваша еще болѣе и болѣе возрастала въ познаніи...*, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны въ день Христовъ (Филипп. I, 9. 10) ²⁾. *Испытывайте, что благоугодно Богу* (Ефес. V, 10) ³⁾, *не будьте неразсудительны, но познавайте, что есть воля Божія* (—17) ⁴⁾, *все испытывайте* (1 Солун. V, 21) ⁵⁾ и т. под. Всѣ эти и подобныя имъ совѣты даются св. апостоломъ христіанамъ на тѣ случаи, когда ихъ посѣтятъ какія-либо „сомнѣнія“, имѣющія характеръ разсматриваемыхъ нами коллизій и проч. *Если же у кого, говоритъ св. ап. Іаковъ, недостаетъ мудрости, да проситъ у Бога, дающаго всѣмъ просто и безъ упрековъ: и дастся ему* (I, 5) ⁶⁾. Эта христіанская мудрость потребовалась хри-

¹⁾ *Не сообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая и угодная и совершенная.*

²⁾ *И о семъ молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествуетъ въ разумъ и во всякомъ чувствіи, во еже искушати вамъ лучшая, да будете чисты и непреткновенны въ день Христовъ.*

³⁾ *Испытывающе, что есть благоугодно Богови.*

⁴⁾ *Не бывайте несмысленны, но разумывайте, что есть воля Божія.*

⁵⁾ *Вся же испытывающе: добрая держите*

⁶⁾ *Аще же кто отъ васъ лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемно, и не поношающаго, и дастся ему.*

стіанамъ уже въ первыя времена существованія Христовой Церкви на землѣ. Съ одной стороны, хрістіане, вступившіе въ Христову Церковь изъ іудейства, сознавали себя обязанными исполнять требованія хрістіанскаго закона; а съ другой, они не могли (по крайней мѣрѣ, извѣстная ихъ часть) примириться съ мыслью, что исполненіе ветхозавѣтнаго закона для нихъ уже не обязательно болѣе, поскольку послѣдній отмѣненъ новозавѣтнымъ. Недоумѣніе было разрѣшено хрістіански-мудрыми свв. апостолами (Дѣян. XV). Чит. также, между прочимъ, Дѣян. X, 13 и слѣд.; Римл. XIV; 1 Кор. VIII, 7 и слѣд. и т. под.

Разъ, при ненормальности теченія человѣческой жизни, ненормальности, постоянно заявляющей о себѣ и въ хрістіанской даже средѣ, столкновенія интересовъ общественнаго характера и частнаго, высшихъ—духовныхъ и низшихъ—матеріальныхъ, требованій справедливости и любви и т. д.—явленіе въ нѣкоторомъ смыслѣ неизбежное,—отсюда явилась потребность хоть сколько-нибудь упорядочить отношенія человека къ нимъ. И вотъ искони предлагаются моралистами различнаго рода правила. Говорятъ: по мѣрѣ возможности все-таки люди должны всячески стараться, чтобы тѣ или иныя столкновенія обязанностей не наступали; если же послѣднія, т. е. столкновенія, возникли, то необходимо тщательно къ нимъ присматриваться, дѣйствительно ли они таковы, нѣтъ ли въ данномъ случаѣ только мнимаго столкновенія; изъ нѣсколькихъ обязанностей, одновременно требующихъ отъ человека внимательнаго къ нимъ отношенія, должно предпочтительно избирать не менѣе важныя, а болѣе существенныя въ какомъ-либо отношеніи; вообще во всякомъ въ отдѣльности разѣ слѣдуетъ относиться къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ и проч.

Но все эти и подобныя имъ правила и руководительныя соображенія, при всей ихъ благонамѣренности, далеко не во всякомъ случаѣ примѣнимы къ дѣлу. Причиной этого служатъ слѣдующее обстоятельство. Эти правила намѣчены моралистами при помощи наблюденій надъ бывшими уже ранѣе столкновеніями обязанностей. Такія наблюденія, безспорно, имѣютъ важное значеніе, но далеко не всецѣлое. Дѣло въ томъ, что въ послѣдующее время ни одинъ изъ предыдущихъ случаевъ никогда не повторяется, да и не можетъ повториться въ тождественномъ видѣ. Всякому случаю, напро-

тивъ, непрѣмѣнно присущи извѣстныя специфическія особенности, предусмотрѣніе которыхъ заранее невозможно и проч.

Правило моралистовъ, напр., гласить: если столкнутся между собою справедливость и любовь, то требованіямъ первой должно быть отдано преимущество предъ голосомъ второй. Повидимому, дѣло рѣшено,—повидимому, все ясно. Но дѣйствительность можетъ сказать иное. Многіе моралисты приводятъ слѣдующій, излюбленный ими, примѣръ. Нѣкто былъ долженъ своему знакомому извѣстную сумму денегъ. Скопивъ послѣднюю, онъ, допустимъ, отправился къ своему кредитору, чтобы возвратить ему долгъ. Человѣка побуждаетъ къ этому чувство справедливости. Пока дѣло идетъ безъ осложнений. Но вотъ на дорогѣ онъ встрѣчаетъ бѣднаго сироту, тѣло котораго даже не вездѣ прикрыто лохмотьями, ноги котораго безъ обуви, хотя температура воздуха низка и т. д. Къ человѣку, идущему уплатить свой долгъ кредитору, сирота вызываетъ о помощи или даже и не вызываетъ, а просто лишь жалобно смотритъ на него, что можетъ подѣйствовать сильнѣе всякихъ словъ. Получается столкновеніе обязанностей: съ одной стороны, справедливость побуждаетъ человѣка идти къ займодавцу и возвратить ему вышеупомянутый долгъ, а съ другой, чувство жалости и любви къ человечеству заставляетъ его одѣть, „согрѣть... сироту“. Думаемъ, что каждый человѣкъ, хотя бы отчасти лишь настроенный въ нравственно-добромъ смыслѣ, скорѣе отдастъ предпочтеніе требованіямъ любви, а не требованіямъ сухой справедливости, особенно если данный кредиторъ живетъ не въ столь плачевномъ положеніи, въ какомъ разсматриваемый сирота. Тотъ должникъ, котораго моралисты приводятъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ, такъ именно и поступилъ. Итакъ, вышеуказанное правило является нарушеннымъ, хотя существо дѣла отъ этого лишь только выиграло...

Впрочемъ, нѣкоторое значеніе выставляемыхъ моралистами правилъ, въ однихъ случаяхъ большее, въ другихъ—меньшее, все-таки не можетъ быть отрицаемо (ср. выше).

Такъ, правило, предписывающее, напр., тщательно каждому присматриваться, въ самомъ ли дѣлѣ въ данномъ случаѣ субъектъ стоитъ предъ коллизіей, имѣетъ свою силу. Иродъ съ клятвою обѣцалъ пласуну дать, чего она ни попроситъ. Она же, по наущенію матери своей, сказала: дай мнѣ здѣсь на блюды голову Іоанна Крестителя (Мѡ. XIV, 6—8. Мрк. VI,

22—25). Иродъ *опечалился* (Мѡ. ст. 9. Мрк. ст. 26) ¹⁾. Онъ стоялъ предъ коллизіей: съ одной стороны, онъ опасался убивать св. Іоанна Крестителя, такъ какъ боялся народа, считавшаго его *пророкомъ* (Мѡ. ст. 5); кромѣ того, онъ зналъ, что это—*мужъ праведный и святой, и потому берегъ его, многое дѣлалъ, слушаясь его, и съ удовольствіемъ слушалъ его* (Мрк. ст. 20). Съ другой стороны, ради клятвы и возлежавшихъ съ нимъ ²⁾, онъ сознавалъ, что не можетъ не исполнить и желанія плясуньи. Коллизія разрѣшилась, какъ извѣстно, въ смыслѣ удовлетворенія послѣдней (Мѡ. 9—11 ст. Мрк. ст. 26—28). Данная коллизія, происшедшая вслѣдствіе неосторожности и непредусмотрительности (ср. выше) Ирода, съ христіанской точки зрѣнія, да и съ правильной „естественной“, не можетъ быть признана дѣйствительною. Вмѣсто того, чтобы соглашаться на исполненіе просьбы плясуньи, воспользовавшейся его опрометчивостью, Иродъ долженъ былъ бы вразумить ее, осязательно доказать какъ ей, такъ и окружавшимъ, что ея просьба нелѣпа по существу, что, давая клятву, онъ разумѣлъ такія ея просьбы, исполненіе которыхъ не шло бы въ разрѣзъ съ его царскимъ достоинствомъ, съ его справедливостью и проч. Если же онъ заранѣе не предупредилъ ея объ этомъ, то просто потому, что было излишне: послѣднее естественно предполагалось само собою. Вѣдь навѣрное онъ не позволилъ бы отрубить у себя ногу или руку, если бы плясунья того потребовала вмѣсто головы св. Іоанна Крестителя. Тогда онъ сѣумѣлъ бы съ честью выдти изъ коллизіи, и никто изъ присутствовавшихъ не упрекнулъ бы его. Но Иродъ проявилъ непростительное малодушіе, побоялся нарушить клятву, неисполненіе которой въ томъ смыслѣ, въ какомъ ея исполненія требовала плясунья, и не было бы даже клятвопреступленіемъ, устыдился присутствовавшихъ, между тѣмъ какъ стыдиться ихъ ему надлежало по исполненіи его

¹⁾ Тѣмже и съ клятвою изрече ей дати, еяже аще воспроситъ. Она же наваждена матерією своею, даждь ми, рече, здѣ на блюди главу Іоанна Крестителя (Мѡ. XIV, 7. 8). И печаленъ бысть царь (—9)...

²⁾ И хотяще его убити, убоися народа, зане яко пророка его имѣху (Мѡ. 5 ст.). Иродъ бо бояхуся Іоанна, видый его мужа праведна и свята, и соблюдаше его: и послушавъ его, многа творяше, и въ сладость его послушаше (Мрк. VI, 20). Клятва же ради, и за возлежавшихъ съ нимъ, повелъ дати ей (Мѡ. 9 ст.), т. е., плясуньѣ...

преступной клятвы и пр.—Приведемъ другой примѣръ, отмѣчаемый въ весьма многихъ правоучительныхъ системахъ. Указываютъ на больного, котораго ожидаетъ близкая смерть. Окружающіе больного родственники и знакомые стоятъ предъ коллизіей: съ одной стороны, они обязываются ясными предписаніями нравственнаго закона говорить больному (какъ и всякому другому человѣку) только правду; а съ другой, любовь къ нему, повидимому, не менѣе настойчиво обязываетъ ихъ скрывать отъ него правду, такъ какъ знаніе ея можетъ вредно отозваться на его здоровьѣ. Но въ дѣйствительности и здѣсь видимъ коллизію только мнимую, по крайней мѣрѣ, съ христіанской точки зрѣнія. Ни одинъ христіанинъ, какъ таковой именно, не долженъ бояться смерти, такъ какъ за гробомъ его ожидаетъ лучшая и вѣчная жизнь, такъ какъ здѣсь на землѣ онъ лишь „странникъ“: *мы не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго* (Евр. XIII, 14) ¹⁾; наша здѣшняя жизнь—подготовленіе къ будущей. Если язычникъ Сократъ рассуждалъ: „не смѣшно ли было бы, если бы человѣкъ, своею жизнью приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла къ нему? Итакъ, я справедливо не жалуясь и не скорбяю, оставляя васъ“ (т. е., его учениковъ), „ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями“ („Сочин. Платона“, перев. проф. В. Карповымъ; ч. II; Спб.; 1863; стр. 41)...; если, повторяемъ, подобнымъ образомъ высказывался языческій мудрецъ, будущая—за гробомъ—жизнь для котораго представлялась нѣкоторой (и даже болѣе того) загадкой, то не во сто ли разъ болѣе такимъ же взоромъ долженъ смотрѣть на смерть истинный христіанинъ? Несомнѣнно. Отсюда для родственниковъ опасно больного человѣка въ существѣ дѣла не предстоить никакой дѣйствительной коллизіи: они безбоязненно обязаны говорить ему правду. Зная ее, онъ лучше приготовится къ встрѣчѣ смерти; иначе онъ можетъ перейти въ другой міръ безъ надлежащей подготовки, что будетъ, конечно, хуже и для его, и для окружающихъ. Если же открытая больному правда прозаведетъ въ отношеніи къ ходу его болѣзни печальныя послѣдствія, то въ этомъ будетъ всецѣло виновенъ самъ больной, своею предшествовавшюю жизнью не поставившій себя на подобающую

¹⁾ *Не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго возыскуемъ.*

высоту нравственно-духовнаго развитія и твердости...—Остановимся еще разъ на примѣрѣ о двухъ человѣкахъ, послѣ кораблекрушенія схватившихся за доску, выдерживавшую тяжесть лишь одного изъ нихъ. Язычники не могли, какъ слѣдуетъ, разобратся въ этомъ случаѣ. Не твердою рукою подписываютъ свое рѣшеніе, однако, и нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей. Философъ Фихте разсудилъ совсѣмъ не по-философски: въ видахъ яко бы торжества справедливости, по его приговору, надлежитъ утонуть обоимъ! Хорошо рѣшеніе! Богословъ Ротъ не въ состояніи взглянуть на дѣло съ чисто-христіанской точки зрѣнія: по его приговору, человѣкъ, отличающійся бѣльшимъ мужествомъ, бѣльшею неустрашимостью... и, слѣдовательно, сравнительно съ другимъ, менѣе боящимся смерти, долженъ оставить доску и утонуть, чтобы такимъ образомъ могъ спастись второй, которому не присущи качества перваго и для котораго смерть была бы болѣе ужаснымъ обстоятельствомъ, чѣмъ для того... Между тѣмъ намъ дѣло представляется слишкомъ яснымъ, и дѣйствительной коллизіи здѣсь, по нашему мнѣнію, нѣтъ. По смыслу ученія Христова, мы должны любить своихъ ближнихъ, какъ себя самихъ (Матѣ. XXII, 39...), даже *должны полагать за нихъ души свои* (1 Іоан. III, 16) ¹⁾. Слѣдовательно, съ чисто-христіанской точки зрѣнія, каждый изъ утопающихъ долженъ думать не о себѣ и не о своемъ личномъ спасеніи, а скорѣе и только о спасеніи своего ближняго, оказавшагося въ данномъ положеніи. А что отсюда получится, это—другой вопросъ, въ настоящемъ случаѣ не имѣющій значенія. Опять истинной коллизіи нѣтъ на лицо. Нечего уже и говорить о такихъ случаяхъ, каковъ, напр., случай съ признаваемымъ папистическою церковью за святаго нѣкимъ Криспиномъ, который (какъ о томъ говорится во всѣхъ почти нравоучительныхъ системахъ) занимался, между прочимъ, воровствомъ кожи у состоятельныхъ людей съ тою цѣлью, чтобы затѣмъ изъ нея готовить обувь для бѣдняковъ и неимущихъ. Читая о такихъ подвигахъ папистическаго „святаго“ (?) ни на мгновеніе не согласится въ душѣ, что въ данномъ случаѣ можно было бы говорить о какой-либо дѣйствительной коллизіи, предстоявшей Криспину, какъ о томъ кричатъ многіе папистическіе богословы. *Кто красть*,—говоритъ св. ап. Па-

¹⁾ Мы должны есмь по братіи души полагати.

вѣтъ,—*впередъ не крадь, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобъ было изъ чего удѣлять нуждающемуся* (Ефес. IV, 28) ¹⁾. Дѣло ясно и безъ всякихъ правилъ.

Имѣетъ значеніе и то правило, по смыслу котораго обязанности высшаго разряда и порядка, входящія въ столкновение съ обязанностями низшаго качества, должны быть предпочитаемы по сравненію съ послѣдними. Но едва-ли кто и безъ этого правила не поступилъ бы точно такъ-же, руководствуясь однимъ здравымъ смысломъ, голосомъ своего нравственного чувства, а тѣмъ болѣе ученіемъ Священнаго Писанія, повелѣвающаго *повиноваться больше Богу, нежели людямъ* (Дѣян. V, 29; сравн. IV, 19). ²⁾ Когда свв. апостоламъ Господнимъ старѣйшины и книжники запретили *говорить и учить о имени Иисуса*, они отвѣтили послѣднимъ именномъ тѣми словами и, при томъ, не одинъ разъ (см. цитов. мѣста). По ясному ученію Слова Божія, изъ обязанностей, съ одной стороны, касающихся нашей любви къ родителямъ..., а съ другой, нашихъ отношеній къ Спасителю нашему, послѣднія всегда должны быть безусловно предпочитаемы первымъ (Мате. X, 37: *кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня* ³⁾). Лук. XIV, 26: *если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ* ⁴⁾. Чит. также Лук. IX, 59—62 и т. под.). Здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ колебаніямъ, никакимъ недоумѣніямъ.—Нѣкоторыми моралистами по поводу настоящаго правила на случай столкновенія обязанностей дѣлается ссылка, между прочимъ, и на 1 Кор. VII, 38 (*выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а не выдающій поступаетъ лучше*) ⁵⁾. Но послѣднее мѣсто должно

¹⁾ Крадый ктому да не крадетъ, но паче да трудяется, дѣлая своими руками благое, да имать подавать требующему.

²⁾ Отъпавъ же Петръ и Апостоли, рѣша: повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человеку (Дѣян. V, 29).

³⁾ Иже любитъ отца или мать паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дочь паче мене, нѣсть мене достоинъ.

⁴⁾ Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ.

⁵⁾ Тѣмже и вдавъ браку свою дѣву, добръ творитъ: и не вдавъ, лучше творитъ.

быть понимаемо съ большою осторожностію. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ, имѣя природу, которая безусловно тождественна съ природою другихъ людей, въ то же время обладаетъ и нѣкоторыми особенностями, обособляющими его, какъ индивидуума, отъ всѣхъ прочихъ. Въ силу этихъ личныхъ особенностей одинъ человѣкъ проявляетъ склонность, положимъ, къ научнымъ занятіямъ, другой—къ музыкѣ и т. д. Въ силу этихъ же особенностей одинъ человѣкъ болѣе пригоденъ для семейной жизни, другой—для одинокой. И разъ каждому человѣку даны извѣстные таланты, онъ обязанъ, безусловно обязанъ развивать ихъ (насколько, конечно, это—въ его власти). Иначе онъ погрѣшитъ противъ своего Творца, и съ нимъ Создатель поступитъ именно такъ, какъ въ извѣстной евангельской притчѣ о талантахъ поступлено съ тѣмъ, кто, получивъ отъ своего господина одинъ талантъ, закопалъ его въ землю. Разъ извѣстный человѣкъ, въ силу присущихъ ему личныхъ особенностей, болѣе пригоденъ для семейной жизни, удобнѣе можетъ достигнуть цѣли своего бытія, вступивъ въ бракъ, онъ и долженъ вступать, потому что, оставаясь одинокимъ, онъ можетъ оказаться дальше отъ искомаго имъ царства Божія, чѣмъ ведя семейную жизнь. Но разъ человѣкъ, въ силу тѣхъ же своихъ особенностей, оказывается пригоднымъ не столько для семейной, сколько для одинокой жизни, онъ и не долженъ вступать въ бракъ: если ему дано, по слову Спасителя, *вытѣсти сіе слово*, то онъ уже не имѣетъ права *вытѣсти или не вытѣсти*, а долженъ вытѣсти, обязанъ безъ ограниченій и уступокъ. Безбрачная жизнь для такого человѣка—прямая обязанность, отъ которой уклониться онъ не имѣетъ нравственного права; и если онъ слѣдуетъ совѣту не вступать въ бракъ, то не дѣлаетъ ничего такого, что выходило бы за предѣлы того нравственного совершенства, которое Богомъ заповѣдано всѣмъ людямъ,—а совершаетъ лишь самую обыкновенную вещь. Словомъ, каждый человѣкъ долженъ обстоятельно обдумывать и взвѣшивать: вступивъ ли въ бракъ, или оставаясь въ дѣвствѣ, онъ скорѣе поступитъ сообразно со своими личными особенностями, скорѣе и удобнѣе спасется и прочъ? Легкомысленное отношеніе къ этому вопросу отзовется на немъ весьма пагубно. Имѣя въ виду все это, св. ап. Павелъ и пишетъ коринтянамъ о дѣвствѣ: *по настоящей нуждѣ за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться такъ* (I Кор. VII,

26) ¹⁾, т. е., въ дѣвствѣ. Развивая свое положеніе, св. апостолъ указываетъ на то обстоятельство, что брачная жизнь сопряжена со многими условіями, затрудняющими для человѣка заботу объ угожденіи Господу, такъ что, въ виду этого, дѣвство можетъ быть сравнительно болѣе рекомендуемо, хотя разсматриваемый самъ-по-себѣ бракъ—дѣло хорошее (1 Кор. VII, 38). *По настоящей нуждѣ*, говоритъ св. Павелъ коринѳянамъ, лучше не вступать въ бракъ. Здѣсь св. апостолъ разумѣетъ современное ему состояніе коринѳскаго общества. Коринѳяне еще не успѣли достаточно утвердиться и укрѣпиться въ Христовой вѣрѣ. Между тѣмъ языческая власть воздвигала противъ нихъ гоненія. Ясно, что чѣмъ меньше условій противодѣйствовало ихъ христіанской стойкости, тѣмъ было лучше. Брачная жизнь при такихъ обстоятельствахъ для многихъ изъ коринѳянъ (именно сравнительно слабыхъ духомъ) могла оказаться прямо-таки не желательною, потому что она сильнѣе приковывала ихъ симпатіи къ землѣ и земному. Въ борьбѣ съ языческими преслѣдованіями христіанъ для послѣднихъ пагубнымъ могло оказаться всякое такого рода условіе. Здѣсь-то и кроется смыслъ словъ св. апостола: *по настоящей нуждѣ* (ср. Матт. XIX, 29). Разсматриваемый въ виду всего сказаннаго—совѣтъ апостольскій (чит. у него и всю вообще 7-ю главу I Кор.) не можетъ считаться чѣмъ-то необязательнымъ для тѣхъ, кого онъ имѣетъ предъ собою; напротивъ, онъ всецѣло обязателенъ для нихъ. Это—съ одной стороны. Съ другой, слѣдованіе ему не можетъ быть сочтено кѣмъ-либо за что-то особенное, за что-то указывающее на какую либо заслугу со стороны подчиняющагося ему человѣка...

Если сталкиваются между собою такія обязанности, удовлетвореніе однѣхъ изъ которыхъ влечетъ за собою благополучіе самого даннаго человѣка, между тѣмъ какъ удовлетвореніе другихъ обуславливаетъ собою благополучіе его ближняго, то выходъ изъ такого столкновенія, помимо и существующаго на этотъ случай правила, будетъ самый простой: по смыслу ученія Слова Божія, повелѣвающаго намъ, какъ мы выше видѣли, *полагать* за ближнихъ свои души, въ этомъ смыслѣ должна быть разрѣшена и данная коллизія.

¹⁾ *Мно убо сіе добро быти за настоящую нужду, яко добро чловеку тако быти.*

Если входить въ столкновѣніе другъ съ другомъ обязанности, однѣ изъ которыхъ отмѣчены общественнымъ характеромъ, а другія—частнымъ, личнымъ, то рѣшеніе этой коллизіи, опять-таки помимо всякихъ правилъ, совершенно аналогично съ рѣшеніемъ коллизіи предыдущей: если тамъ благополучіе ближняго должно быть поставлено на первый планъ по сравненію съ личнымъ благополучіемъ cadaго, то здѣсь въ тѣмъ большей степени (и по тѣмъ же основаніямъ) на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить не свои личные блага, а благополучіе семьи, общества, государства...

Не говоря о другихъ правилахъ, существующихъ на данный счетъ, съ своей стороны считаемъ необходимымъ замѣтить, что вмѣсто всякихъ подобнаго рода правилъ слѣдуетъ предписать каждому человѣку по-возможности болѣе заботиться о развитіи своего духовнаго я, при каковомъ условіи онъ не будетъ достигнуть врасплохъ никакою коллизіею. Если человѣкъ постарается и успѣетъ приобрѣсти надлежащую нравственную тактичность, тогда онъ въ каждомъ случаѣ безъ труда найдетъ, какъ ему поступить, даже если бы ему вовсе не были извѣстны никакія правила въ родѣ указанныхъ выше. Словомъ, каждый изъ насъ долженъ заботиться о томъ, чтобы, по слову Св. Писанія, *навыкомъ приучить свои чувства къ различенію зла и добра* (Евр. V, 14) ¹⁾.

Въ заключеніе надлежитъ сказать, что „весьма большое значеніе“ имѣетъ также „соотвѣтствующее духу христіанства“ устройство „нравственной общественной жизни, спеціально—истинно нравственное регулированіе отношенія различныхъ общественныхъ круговъ и учреждений. Тѣмъ рѣже будутъ коллизіи обязанностей, чѣмъ меньше какое-либо изъ этихъ обществъ,—государство-ли то, или церковь,—домогается своего всемогущества вопреки другимъ,—чѣмъ больше всѣ они подчиняютъ свои относителныя цѣли—цѣли абсолютной, т. е., чѣмъ больше всякое общество дѣйствительно служить споспѣшествованію цѣлаго и, наконецъ, достиженію нравственно-религіозной цѣли человѣчества, —и чѣмъ болѣе“ всѣми будетъ сознаваться „господствующая“ въ мірѣ „цѣлесообразность“ и ею обусловленное извѣстное взаимное „отношеніе различныхъ обществъ, равно какъ и значеніе индивидуаль-

¹⁾ Совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувствъ обучена должнымъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла.

ности. Именно поэтому обязанность всякаго—также и ради себя самого посвящать свои силы не только собственному, но и всеобщему развитію нравственнаго сознанія“ (Kübel; S. 128—129).

Итакъ, 1., въ христіанства коллизіи обязанностей—явленіе неизбѣжное; 2., язычество не въ состояніи предложить удовлетворительнаго выхода изъ такихъ коллизій; 3., въ „Ветхомъ Завѣтѣ“ предлагается „объективное разрѣшеніе“ коллизій; 4., такое же разрѣшеніе коллизій, съ одной стороны, предлагается и въ „Новомъ Завѣтѣ“, гдѣ—5., съ другой стороны, требуется отъ человѣка для той цѣли приобрѣтеніе мудрости, „нравственной тактичности“; 6., предлагаемыя моралистами различныя правила на случай столкновенія обязанностей имѣютъ лишь относительное значеніе; наконецъ, 7., чѣмъ больше и больше какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлыя общества будутъ стремиться къ гармоническому сочетанію въ ихъ жизни нравственной свободы и нравственнаго закона, иначе сказать: къ возможно полному воплощенію въ ихъ поступаніи высокихъ христіанскихъ началъ,—тѣмъ меньше и меньше будутъ заявлять о себѣ и какія-либо столкновенія обязанностей.

Александръ Бронзовъ.

25 Декабря 1896 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки